

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.111-312.1(Мердок А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-8-18. ББК Ш33(4Вел)63-8,444
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОСТМОДЕРНА В ФИЛОСОФСКИХ РОМАНАХ АЙРИС МЕРДОК

Исламова А. К.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0980>

SPIN-код: 1750-5542

А н н о т а ц и я . В статье изложены результаты исследования, направленного на определение эпистемологических ориентиров художественного творчества А. Мердок в их отношении к эстетическим принципам литературного постмодерна. Конкретными предметами изучения являются поздние романы писательницы, а именно «Книга и Братство» (1987), «Послание планете» (1989) и «Зеленый рыцарь» (1993). Контаминация повествовательного текста и философского метатекста в названных произведениях дает основание для применения к ним междисциплинарного подхода и системных методов исследования. Целевая установка системного приложения литературоведческих приемов интертекстового анализа и инструментов философской герменевтики заключается в выявлении синергических коннотаций двух планов нарратива и эмерджентного итога синергии в рамках заданной в статье проблематики. Дискурсивная аналитика смысловых связей между содержательными и формообразующими элементами изучаемых романов позволяет воссоздать их консолидированную эпическую перспективу и эпистемологический горизонт, определяющий границы художественной интерпретации объектов реальности. Целенаправленное рассмотрение восстановленной перспективы обнаруживает сведение ее проекций к мировоззренческой позиции литературного героя, поскольку он выступает в качестве централизованного субъекта всех образных репрезентаций и когнитивной деятельности. Последующее изучение мировоззренческого полягоризонта выявляет гносеологические маркеры опытных и ценностных критериев истины, раскрывая таким образом зависимость созидательной деятельности героя от познания объективной действительности. Подчеркнутые линии путей персонажей от априорных представлений к опытному знанию свидетельствуют о намерении автора создать возможность перехода от модернистских приоритетов эгоцентрической субъективности к традиционной концепции эксцентрического объективизма в искусстве. Системное обобщение полученных данных влечет за собой закономерный вывод о том, что авторские разработки в области эпистемологии были направлены на активизацию познавательных и дидактических функций литературы с целью совмещения художественных черт картины мира с требованиями ее целостности и достоверности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постмодернистская ситуация; философский роман; эпическая перспектива; эпистемологический горизонт; открытая структура; эпистемология добродетелей; когнитивные и дидактические функции литературы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Исламова, А. К. Эпистемологические проблемы литературного постмодерна в философских романах Айрис Мердок / А. К. Исламова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 8–18. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-8-18.

THE EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF LITERARY POSTMODERNISM IN THE PHILOSOPHICAL NOVELS BY IRIS MURDOCH

Alla K. Islamova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0980>

S u m m a r y . The article presents the findings of a research into the epistemological background of I. Murdoch's picture of reality as related to the aesthetic principles of literary postmodernism. The concrete objects of the study are the later novels of the author, namely "The Book and the Brotherhood" (1987), "The Message to the Planet" (1989) and "The Green Knight" (1993). The contamination of the narrative text and the philosophical metatext in the novels in question gives grounds for the application of the interdisciplinary approach and the systemic methods of research. The purpose of the systemic application of the literary methods of intertextual analysis and the instruments of philosophical hermeneutics consists in identification of the synergic connotations of the two narrative aspects and the emergent synergic effect relevant to the actual problems of the article. The discursive analysis of semantic ties between the content and the formative elements of the novels under consideration makes it possible to reproduce their consolidated epic perspective and the epistemological horizon, which delimitates the boundaries of aesthetic interpretation of objects of reality. Purposeful insight into the reproduced perspective reveals the transfer of its projection to the worldview position of the literary character as long as he or she functions as the common subject of all figurative representations and cognitive activities. The further investigation of the worldview field-horizon singles out the gnosological markers of the empiric and value-based criteria of the truth, thus revealing the dependence of the creative activity of the character on the cognition of the real world. The augmented tra-

jectories from a priori ideas to experienced knowledge demonstrate the author's intention to cast a link of constructive connection between modernistic priorities of egocentric subjectivity and the traditional conception of the eccentric objectivity in art. A systemic generalization of the research results leads to the logical conclusion that the writer's epistemological ideas focus on the revival of cognitive and didactic functions of literature with the purpose of complementing the artistic features of the worldview with the requirements for its holisticity and truthfulness.

Keywords: postmodern situation; philosophical novel; epic perspective; epistemological horizon; open structure; epistemology of virtues; cognitive and didactic functions of literature

For citation: Islamova, A. K. (2024). The Epistemological Problems of Literary Postmodernism in the Philosophical Novels by Iris Murdoch. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 1, pp. 8–18. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-1-8-18.

Айрис Мердок представляет английскую литературу XX столетия и занимает в ней видное место как автор философских романов, отличающихся богатым жизненным содержанием и искусным эстетическим оформлением. Творческий путь писательницы начался на переломе века, когда развитие романа происходило под двойственным влиянием недавних модернистских преобразований и возвращаемых из забвения классических канонов. Оценивая приоритеты художественного мышления той поры, британские исследователи Л. Стоунбридж и М. Маккэй заметили, что они были в равной степени обусловлены открытиями новейших писателей в воспроизведении внутреннего мира личности и достижениями старых мастеров в изображении личной жизни как части общественно-исторического опыта: «Нередко литература середины века заимствует из модернизма проникающую способность глубинных интроспекций, но затем сознательно выводит их на уровень социологических и историографических измерений» [Stonebridge 2007: 8].

В произведениях А. Мердок преемственные связи обновленческих тенденций с классическими традициями выводятся из практической сферы писательского творчества на уровень его когнитивных и дидактических направлений, имеющих стратегическое значение для решения важнейших вопросов об отношении литературы к действительности. Английский писатель и философ Б. Маги отметил, что фразы в романах А. Мердок «насыщены дополнительными коннотациями, аллюзиями, иносказаниями», тогда как в философских работах писательницы они «предельно просты, каждая фраза выражает только одну мысль» [Маги 2019: 251]. Сходное суждение о многозначности литературных текстов А. Мердок высказала и Н. С. Зелезинская, допустив, что в данном случае «можно говорить о мультипликации художественных приемов и мотивов, взаимоотраковке романов, метатекстовой основе, интерпьясах» [Зелезинская 2013: 265]. Сближение литературы с философией по способу познания действительности позволяет А. Мердок сообщить художественному пространству романа эпистемологическую перспективу, достаточно широкую для того, чтобы запечатлеть целостную и достоверную картину бытия человека в мире.

Экстенсивные разработки в эпистемологическом поле-горизонте романа были вызваны чрезвычайным сокращением его границ в новейший период литературной истории, когда круг проводимых авторами исследований замкнулся на специфически личностных проблемах человеческого

существования. Наиболее значимый результат модернистских экспериментов в этой области заключался в радикальном сдвиге эстетического центра произведения из эпической области реальных объектов в лирический план представлений о них в субъективном сознании персонажей. М. М. Бахтин усматривал в углублении субъективно-личностного начала в романе залог становления литературного характера как образа свободного, самодостаточного индивида и творца собственного художественного мира, где он «является сам своим автором, описывает свою обособленную жизнь эстетически» и при этом «самодоволен и уверенно завершён» [Бахтин 2000: 47]. Американский литературовед Дж. Гальперин полагал, однако, что если герой наделяется авторскими полномочиями в отсутствие опытных знаний о действительности, то он творит мир «независимый или, по крайней мере, не совсем зависимый от мира реального» [Halperin 1974: 18]. Российский историк литературы В. Д. Днепров также выразил мнение о неизбежном расхождении априорных представлений героя с объективным порядком вещей: «Объективные ситуации скрепляются не собственными, им самим принадлежащими связями, они возникают, следуют и исчезают по чуждым им законам субъективной впечатлительности. Мир вращается на вертеле личного Я» [Днепров 1980: 391].

А. Мердок выразила собственные суждения о модернистской системе субъектно-объектных связей, рассмотрев их абстрагированную философскую теорию в эссе «Сартр: романтический рационалист» (1953) и испытал соответствующие ей эстетические образцы в романах «Под сетью» (1954), «Бегство от волшебника» (1956), «Колокол» (1958) и других своих произведениях раннего периода. Предпринятые изыскания завершились выводом о том, что централизованное положение героя в романе учреждалось за счет предельного свертывания его жизненного пространства вокруг мыслимого мира феноменов, где самодовлеющее «я» было мерой всех вещей: «В суммарном выражении: его правда – это искренность, а его воображение – это фантазия <...> Ни то, ни другое не согласуется с реальностью» [Murdoch 1961: 19]. Тем не менее А. Мердок воздержалась от радикальной критики феноменологических методов модернизма, поскольку они позволяли раскрыть неявные стороны отношения сознания к миру, непроницаемые для традиционных, миметических приемов литературного письма. По справедливому замечанию немецкого философа К. Ясперса, восприятие действительности есть всегда нечто большее, чем чистый

объект: «Оно пронизано оценками и предрассудками, обычными ожиданиями и распространенными, не подвергаемыми сомнению очевидностями. Оно в большей степени экзистенциально наполнено, нежели эмпирическая действительность» [Jaspers 1956: 325]. Аналогичные доводы, как свидетельствует английский исследователь П. Конради, побудили А. Мердок отказаться от деструктивного подхода к модернистской жанровой архитектонике, допустив возможность самостоятельной «децентрализации» персонажей и «изменения их восприятия и поведения» вследствие объективной необходимости [Conradi 1986: 13]. Принятое писательницей решение заключалось в имманентном преобразовании эгоцентрической модели романа посредством продвижения героев из замкнутого круга субъективных умозрений на путь познания действительности: «Нам надлежит совершить переход от эгоцентрической концепции искренности к ацентрическому пониманию истины» [Murdoch 1961: 20].

Проблемы перехода познающего разума через внутренние пределы солипсизма присутствуют во всех романах А. Мердок зрелого периода, включая такие яркие произведения той поры, как «Довольно почетное поражение» (1970), «Черный принц» (1973), «Море, море» (1978). С наибольшей последовательностью имманентный принцип в решении поставленных задач проводится в книгах «Ученик философа» (1983) и «Школа добродетели» (1985), потому что здесь разрушение эгоцентрических преград в мировоззрении героев и в бытийном пространстве романов происходит на дорогах испытаний, когда мир подает себя идущим как несомненная, пережитая реальность. Собственная стезя писательского опыта приводит автора к формированию ключевых эпистемологических концептов литературного творчества в цикле романов позднего периода – «Книга и Братство» (1987), «Послание планете» (1989) и «Зеленый рыцарь» (1993). С этой точки зрения названные произведения составляют книгу итогов, которая выводит результаты длительных изысканий на уровень высоких идейных обобщений.

Творчество А. Мердок остается предметом устойчивого интереса исследователей в течение многих лет. Поздние произведения писательницы обсуждались, в частности, в трудах А. А. Аслановой [Асланова 2015], В. М. Ивановой [Иванова 2018], а также в работах М. Брэдбери [Bradbury 2004], Дж. Мейерса [Meyers 2013: 1–27] и других отечественных и зарубежных ученых. Тем не менее когнитивные проблемы литературной теории и художественного опыта писательницы не входили в круг специально изучаемых тем до настоящего времени. В данной статье романы А. Мердок последних лет рассматриваются как логическое продолжение предшествующих изысканий писательницы, а порядок эпистемологического дискурса в них определяется с учетом сложившейся прежде системы онтологических, гносеологических, морально-дидактических и эстетических характеристик.

В онтологическом основании системы за-

креплено положение об исчерпанности экзистенциальных представлений, в рамках которых решение вопроса о судьбе человека в мире завершалось падением в неразрешимость за стенами социального и духовного отчуждения личности. По собственному признанию Ж.-П. Сартра, одного из ведущих теоретиков экзистенциализма, обособленное пространство личного существования – это «антимир» без последствий, «где ничего не случается» [Сартр 2001: 63]. А. Мердок полагала, однако, что неизбежным последствием существования в таком пространстве является потеря «видения действительности, существующей вне нас самих» [Murdoch 2003a: 46]. Скептическое отстранение от онтологии ирреального «антимира» влечет за собой переход к теоретико-познавательной установке на реактивацию когнитивных методов искусства с тем, чтобы выявить внутренние способности индивида к открытию реальности за полосой его экзистенциального отчуждения: «Искусство преодолевает эгоистические и труднопроходимые границы индивидуальности», когда «пронизывает ограждающую завесу и наполняет смыслом понятие о реальности, скрытой за наличной видимостью» [Murdoch 2003c: 88]. Заданная гносеологическая линия совмещается с дидактическим направлением писательского труда за счет укрепления этических ориентиров мышления на устранение преград эгоцентризма между сознанием и миром: «Наше Я, которым поглощена наша жизнь, – это пространство всевластия иллюзий. Моральность сопряжена со стремлением увидеть нечто за его пределами, увидеть и постичь реальный мир в свете нравственного сознания» [Murdoch 2003c: 93]. Эстетический план авторской концепции познания отражает постмодернистское состояние литературы, но включает в себя глубокую ретроспективу, которая открывает доступ к решению когнитивных задач в согласии с принципом исторической преемственности по отношению и к модернистскому, и к классическому наследию. В определенной системе эпистемологических координат отправной точкой отсчета является автономная позиция героя как субъекта всех репрезентаций, а конечной целью – создание объективной картины действительности в процессе его познавательной и творческой деятельности.

В поздних романах А. Мердок пути героев от субъективных представлений к достоверным знаниям разворачиваются в упроченных структурах повествовательного текста, способных принять многообразное бытийное содержание и высокую идейную нагрузку. Строгая упорядоченность этих жанровых структур обусловлена константами проблемной экспозиционной ситуации, исходящей линии драматического конфликта и сети мотивирующих, причинно-следственных и семантических связей, стягивающих все его событийные эпизоды и сюжетные ответвления к центральной плоскости драматического действия. Британский критик Дж. Фрейзер полагает, что экспозиции чрезвычайных обстоятельств в романах А. Мердок составляют ключевые сегменты адекватных форм

для изучения «сущностной природы» человека «в критических ситуациях, задуманных изобретательно и артистично» [Fraser 1964: 185]. А. Мердок придает более широкую эпистемологическую перспективу ситуативным компонентам нарратива, объясняя их присутствие в своих произведениях следующим образом: «Одним из самых значимых и фундаментальных аспектов культуры является литературное исследование, поскольку оно представляет собой науку о воплощении и понимании ситуаций человеческой реальности» [Murdoch 2003a: 63]. Исходящие линейные элементы и несущие плоскости жанровой архитектуры также выполняют активные функции в намеченной перспективе, поддерживая сюжетно-событийные и логико-семантические коннотации между ее локальными участками по мере прохождения персонажей через очередные этапы поиска истины. Поскольку все персонажи в романах А. Мердок выступают в качестве независимых героев действия и субъектов повествования, то консолидация отдельных формообразующих элементов выполняется по модернистским образцам, отвечающим суверенному статусу действующих лиц. Тем не менее писательница исключает из приемлемых стандартов суверенности крайнюю степень персонализма, когда протагонисту принадлежит весь художественный мир, как это происходит, в частности, в произведениях М. Пруста («В поисках утраченного времени»), Ф. Кафки («Процесс», «Замок»), Ж.-П. Сартра («Тошнота»), А. Камю («Посторонний»). В итоге аутентичная жанровая модель реконструируется по парадигмам нескольких субъектных автономий, разработанными английскими писателями-модернистами Дж. Джойсом («Улисс», 1918–1920) и В. Вулф («К маяку», 1927, «Волны», 1931). Диверсификация субъектных повествовательных планов сообщает романам А. Мердок многомерное эпистемологическое пространство, вовлекая всех и каждого из героев в литературное исследование жизненной действительности.

В романе «Книга и Братство» отправной инстанцией для поисков истины является проблемная ситуация в добровольческом союзе старых друзей, учрежденном ими еще в далекие студенческие годы как ассоциация непримиримых противников либерализма и леворадикальных сторонников государственного переустройства. Суть проблемы заключалась в том, что неконформистская программа «прямого действия» оказалась практически неосуществимой, а ее критический пересмотр потребовал перехода участников Братства от идей революционных преобразований к пониманию эволюционных закономерностей исторического прогресса в условиях современной общественной жизни и «краха прежних ценностей» [Мердок 2012: 91–92]. После утраты былых надежд новый горизонт ожиданий открылся для коллектива Братства с согласием их ведущего идеолога предпринять надлежащие исследования и изложить полученные результаты в книге при всемерной поддержке единомышленников.

Отмежевание фундаментальной концепции

проекта от реформаторских теорий общества выдвигает на передний план изысканий вопрос о частных человеческих судьбах в существующих социальных обстоятельствах: «Главное – отдельные люди и их истории» [Мердок 2012: 153]. Поскольку целевая установка проекта предполагала прояснение экзистенциальных проблем индивидуального характера, то все персонажи романа вовлекаются в решение сопутствующих задач в рамках собственных жизненных историй. Однако определение объективных подходов к достижению общей цели осложнялось тем, что во всех случаях отправные пункты поиска были обусловлены личными намерениями и субъективными понятиями героев о смысле и назначении их существования: «Все мы погрязли в эгоистических иллюзиях» [Мердок 2012: 146].

В феноменологической теории познания Э. Гуссерля первичная эгоцентрическая позиция «чистой субъективности» принимается за точку схождения мировоззренческой перспективы, в пределах которой «вещь с необходимостью дается лишь “способами явления” и окружается “горизонтом не собственно данной “соприданности”», ибо схватывается субъективным «я» как «вещь моего окружающего мира» [Гуссерль 2009: 138]. Допуская фрагментарность и односторонность феноменальных образов вещей, философ полагает, что непременным условием их эквивалентности является увеличение мировоззренческого фона сознания в процессе существования человека в реальном мире: «Где нет пространственного бытия, там не имеет смысла говорить о видении с различных точек зрения, со сменой ориентации, различных сторон, какие тут предоставлялись бы, в различной перспективе» [Гуссерль 2009: 128]. В романе А. Мердок справедливость приведенного суждения удостоверяется доводами, подтверждающими изменения воззрений и ориентаций героев с разворачиванием их дорог в пространстве-времени жизненного мира. Товарищи по Братству признают, что изначально их отступления от позиций крайнего персонализма были вызваны желаниями самоутверждения в профессии, в творчестве, в науке, в отношениях с другими людьми. Однако, по мере отдаления героев от эгоцентрических точек схождения их субъективных устремлений и феноменальных представлений, в силу вступает закон расширения видимой перспективы, так как претворение желаемого в душе в сущее в действительности требует приближения явлений мысли к предметам реальности на путях эмпирического знания: «В конце концов, то, чего жаждет лучшее, что есть в тебе, истинная твоя душа должно быть реальным» [Мердок 2012: 531].

Сюжетно-событийные связи личных историй скрепляют линии межличностных контактов персонажей, обеспечивая условия для взаимного согласования фактов приобретенного опыта и идейного замысла книги о новом обществе, «которое еще не существует» [Мердок 2012: 327]. Социальная сеть коммуникаций способствует, в свою очередь, формированию интерсубъективного пространства, где индивидуальные понятия об истине соизмеря-

ются с общезначимыми критериями ценности в процессе рефлексивного осмысления и коллективного обсуждения результатов, полученных эмпирическим путем. Аксиологическая верификация позитивных знаний вполне оправдывает свое назначение в романе в качестве регулятивного принципа когнитивных практик, поскольку он задает такой порядок идеологического дискурса, который приводит союзников по Братству и их лидера к последовательному переходу от политической доктрины «экстремистского воинствующего социализма» к гуманистическому обоснованию «глубоко морального общественного устройства» [Мердок 2012: 108, 273]. В данном отношении единодушное одобрение законченной и вышедшей в свет книги приобретает значение художественно-философской демонстрации, указывающей на достижение искомого итога познания: «Это воплощение того, на что мы все надеялись» [Мердок 2012: 606].

В романе «Послание планете» необходимость эмпирических и аксиологических доказательств истины утверждается методом от противного. В подобных случаях, замечает российский философ А. А. Ивин, «устанавливают справедливость тезиса тем, что вскрывают ошибочность противоположного ему допущения, антитезиса» [Ивин 2004: 162]. В романе А. Мердок ошибочность противоположного допущения вскрывается в процессе прояснения причин и следствий той безысходной ситуации, в которой оказался искатель абсолютной истины, пытаясь извлечь ее универсальную формулу из логических абстракций.

Экспозиционная расстановка прочих персонажей обусловлена характером их связей с protagonистом, сложившихся в былые времена. Разметка выделенных линий связи относительно ситуации настоящего времени указывает на причастность представленных лиц к ее драматическому развитию по мотивам близкого родства, давней дружбы или коллегиальной солидарности ученых. В ретроспективном плане композиции развертывается картина стремительного восхождения, медленного заката и бесследного исчезновения новоявленной звезды с небосвода высокой науки. Отправной точкой поднебесной траектории стало удивительное открытие юного интеллектуала, которое «потрясло математический мир и заинтересовало астрофизиков» [Murdoch 1989b: 7]. Конец звездного пути наступил с превращением первооткрывателя в недееспособную личность с совершенно расстроенным умом: «Он воображает, что думает, когда просто сидит в своей комнате, дремлет и бормочет что-то невнятное» [Murdoch 1989b: 196]. Блистательное возвышение и бесславное падение неудавшегося гения обозначают пределы того эпистемологического пространства, где отвлеченная мысль совершает идеальный параболический полет, а друзья и коллеги расследуют обстоятельства катастрофы в плоскости объективной действительности.

Фактические данные расследования свидетельствуют о том, что грандиозный замысел многообещающего ученого был обречен на провал с

тех пор, как квазинаучное понятие об абсолютной сущности вещей было заложено в его основу и утверждалось далее за счет смешения научного порядка дискурса в процессе доказательств. Автор неудавшегося проекта допустил подобные нарушения, когда попытался перенести известные ему законы математической логики на тотальную область знаний, пренебрегая принципами, целями, задачами других дисциплин. Подмена междисциплинарного синтеза математическим панлогизмом влекла за собой неизбежное расхождение явлений мысли с предметами реальности, поскольку исключала проверку отвлеченных теоретических построений при помощи когнитивных методов опытных наук. Заявляя о неприемлемости созданной таким образом гносеологической схемы, снисходительные друзья и непримиримые оппоненты упрекали ее создателя в прегрешениях против истины из-за отступления от корневой эмпирико-сенсуалистской традиции в британской философии науки: «Именно эмпиризм, достойнейший западный эмпиризм, и есть тот обыкновенный язык честной правды, который мы должны сохранить» [Murdoch 1989b: 47].

Разочарованные отклики читателей заставили недавнего властителя их умов покинуть неподатливую твердыню строгой науки, чтобы продолжить свои начинания в заповедном крае свободных искусств. Этот резкий и непоследовательный переход позволил герою избежать открытого признания неудач, но еще более отдалил его от «честной правды», вызвав сбой аксиологических координаций разума, вопрошающего об истине. Если прежде путеводной звездой подвижника была мечта о разгадке вселенской тайны бытия, то теперь он видит единственную ценность своего «послания планете» в увековечении личной харизмы великого человека: «Он хочет запечатлеть весь мир в себе и отождествить его с собственной волей» [Murdoch 1989b: 20]. Однако волюнтаристское понимание свободы творчества столкнулось с эстетическим императивом ее ограничений в той мере, что необходима для создания картины мира, тождественной миру сущему в действительности. В теории искусств немецкого философа Э. Кассирера положение о соответствии запечатленных образов реальным предметам утверждается в качестве законодательного принципа эстетики, а его осуществление ставится в зависимость от выявления природных свойств и смысловых значений изображаемых объектов методами художественного исследования: «Истина и красота, разум и природа – только различные выражения одного и того же – нерушимого *порядка* бытия, который с различных сторон открывается нам в познании природы, как и в художественном произведении» [Кассирер 2004: 309–310]. В романе А. Мердок традиционное гносеологическое направление в эстетике закрепляется на эмпирически упроченном бытийном основании, поскольку здесь когнитивные факторы искусства соотносятся с онтологическими параметрами их действия в творческой практике. В данном отношении отрицательный опыт

несостоявшегося художника подтверждает невозможность надлежащего исследования природы вещей в пределах обособленного мира «в себе», отединенного от всемирного «порядка бытия» и замкнутого на личном существовании субъекта.

С наибольшей очевидностью безысходность движения мысли в замкнутом круге экзистенциальной изоляции проявилась в деятельности героя на поприще гуманитарных наук, когда он вознамерился «изобрести» новейшую концепцию человеческой реальности, но потерпел поражение вопреки всем своим попыткам «быть гением во чтобы то ни стало» [Murdoch 1989b: 8]. Сопоставляя величину вложенных усилий с ничтожеством результатов, герои-исследователи полагают причину неудач протагониста в его неспособности осознать, что нечто, помимо собственного «я», является реальностью: он был «страшным эгоистом, самым большим эгоистом из всех, кого они когда-либо встречали» [Murdoch 1989b: 9]. По мнению одного из персонажей, безмерный индивидуализм и созданные им иллюзии тщеславного самообмана не оставляли угасшему научному светилу иных путей, помимо тех, что привели его к блужданиям во тьме в поисках мистического Абсолюта: «Мы знаем, что “Абсолют” как некая абсолютная величина – это мистика» [Murdoch 1989b: 47].

В эпистемологическом плане романа «Послание планете» сюжетные рассказы и оценочные суждения действующих лиц о судьбе центрального героя составляют историю потери истинного горизонта, необходимого для всестороннего видения явлений и адекватного истолкования их сущностных смыслов. Разделяя феноменологическое понятие Э. Гуссерля о *видимом горизонте сознания* и гносеологическую категорию *истинного горизонта познания*, немецкий философ и герменевтик Х.-Т. Гадамер писал, что последний обеспечивает достаточное поле зрения для того, чтобы наблюдатель был «способен правильно оценить значение всех вещей, лежащих внутри этого горизонта» [Гадамер 1988: 358]. В романе А. Мердок идентичный тезис доказывается методом обратной аналогии. Недостаточность феноменологического горизонта для обретения достоверного знания объясняется здесь отсутствием гуманистических и этических явлений ценности в поле зрения человека, если он занимает эгоцентрическую позицию: «У него не было сознания моральности, не сложилось у него и понятия о ней» [Murdoch 1989b: 20]. Установление прямой связи когнитивных практик с мировоззренческой позицией субъекта вызвало вопрос о возможности увеличения видимого горизонта до масштабов истинного за счет освобождения разума от ограничений предвзятого субъективизма. Поскольку открытие объективной реальности вне таких границ предполагало включение нравственных ориентаций интеллектуальной деятельности, то приоритетные задачи дальнейшего философско-художественного исследования автора смещаются в сторону эпистемологии морали. В одном из уточняющих комментариев по данному поводу Б. Маги, коллега А. Мердок по перу, подчеркивает,

что этические аспекты ее философских романов направлены на прояснение ценностных смыслов результатов познания: «Таким образом, оценочные суждения просто не могут не лежать в основе произведения. И любой их анализ относится – по крайней мере, отчасти – к философии так же, как и любое серьезное критическое исследование. Если вы пишете серьезное произведение о людях и их взаимоотношениях, вам придется раскрыть свои глубинные комплексные представления о морали» [Маги 2019: 267].

Рассматривая этику в качестве самостоятельной гуманитарной дисциплины, А. Мердок замечает, что ее ключевые категории и конституирующие нормы находятся в процессе непрерывного развития, так как они определяются не только устойчивыми парадигмами научной рациональности, но и меняющимися понятиями о нравственных истинах, достигнутыми на различных ступенях социально-культурного и индивидуального опыта: «Концепция “объективной реальности”, к примеру, претерпевает значительные изменения, когда она должна быть истолкована не относительно “описанного наукой мира”, а применительно к продолжающейся жизни индивида. Активная “переоценка” и “пересмотр”, являющиеся главными характеристиками живущего индивида, предполагают и требуют процедуры испытания, обязательной в любой личной истории» [Murdoch 2003b: 25]. Литературное описание движений мысли и продолжающейся жизни требовало взаимного упорядочивания двух дискурсивных структур на почве представленного эмпирического материала. В таком случае этический принцип эволюционного процесса мог быть приведен в соответствие с эстетическим законом о неразрывности идейного и бытийного содержания в художественном произведении. В романе А. Мердок «Зеленый рыцарь» это требование выполняется при содействии героев, призванных испытать авторскую идею неограниченного расширения горизонта познания за счет морального преодоления границ эгоцентризма. Излагая свои истории и суждения о ходе бытий и стечении обстоятельств, они создают эпический мир, где все значения ценности и моральности извлекаются из уроков жизни и предъявляются не в качестве конечных истин, а выводов, справедливых для пройденной стадии познания. В междисциплинарном исследовании Н. С. Автономовой, посвященном смежным проблемам филологической и философской эпистемологии, такая форма нарратива называется «открытой структурой» на том основании, что она доподлинно отражает способность разума «мыслить последовательно и вместе с тем – порождать новое знание в меняющихся контекстах социальной и познавательной практики». С точки зрения семантического содержания, продолжает исследователь, «открытая структура» представляет собой гносеологический термин-метафору, «некий гиперконцепт, обобщенное и интенсифицированное качество, не содержащееся в полном своем виде в той или иной конкретной концепции, но раскрывающее их по-

тенциал и направленность» [Автономова 2014: 13].

В романе А. Мердок «Зеленый рыцарь» содержательный компонент «открытой структуры» заключается в «гиперконцепте» непрерывности процесса познания, а ее формообразующим аналогом является, соответственно, динамическая модель жанровой архитектоники, адекватная «меняющимся контекстам» повествовательного и когнитивного дискурсов. Конструктивное обрамление модели составляют, как и в предшествующих романах, экспозиционная ситуация основной коллизии, исходящая линия конфликтных событий и сюжетные ответвления рассказов персонажей, причастных к этим событиям. Эпистемологическая направленность сюжетно-событийного движения раскрывается по преимуществу в плане личной истории заглавного героя, поскольку он выступает в качестве ведущего субъекта драматического действия и познавательной деятельности. Снискав свое почетное титульное звание за приверженность высоким нравственным идеалам, протагонист принял на себя ответственность за их неуклонное проведение в жизнь. Однако попытка выполнить принятое обязательство обнаружила глубокое расхождение мыслимого идеала с жизненной действительностью, а стремление преодолеть разрыв между ними увлекло Зеленого рыцаря на трудный путь перехода от предвзятого концепта абсолютной моральности к постижению гиперконцепта ее относительных проявлений в реальных обстоятельствах повседневного существования.

Общий вопрос об отношении этических принципов к экзистенциальной действительности предстал перед героем в условиях конкретной ситуации, когда он оказался случайным очевидцем происшествия с участием двух незнакомцев, один из которых совершил покушение на убийство другого под покровом ночи. Тогда Зеленый рыцарь дал достойный ответ на вызов, предупредив убийственный удар злоумышленника ценой смертельного риска и физического вреда для себя самого. Однако дальнейшие поступки героя с целью привлечь к виновного к ответу выявили несовместимость этики и прагматики того индивидуального кодекса чести, что был принят им в качестве всеобщего свода правил практического поведения. Резкие расхождения этических понятий о добре с прагматическими представлениями о добродетели сказались с наибольшей очевидностью в намерении протагониста восстановить справедливость, учинив жестокий самосуд над правонарушителем: «С тех пор, как я пришел в сознание, я думал и мечтал лишь о том, чтобы убить вас. <...> Я ваш судья» [Murdoch 1993: 252–253].

Парадоксальная раздвоенность нравственного сознания раскрывается в романе как глубинный исток внешнего конфликта героя в отношениях с другими людьми. Предпринятое им частное расследование показало, что преступник совершил нападение на собственного брата по мотивам семейной вражды, а затем, оставшись неузнанным в темноте, представил дело так, что именно он спас родственника от посягательств неизвестного зло-

дея. Завязка конфликта отмечена в романе публичным выступлением настоящего спасителя среди знакомых и друзей обоих братьев, когда он уличил преступника в злом умысле и циничной лжи, но встретил недоуменные отклики со стороны всех слушателей, включая спасенного им человека: «Неужели я сошел с ума, неужели я не сознаю, что он хотел убить меня?» [Murdoch 1993: 188] Тем не менее фактическое обвинение, предъявленное одному из самых уважаемых участников содружества, побудило остальных к осмыслению случившегося с собственных точек зрения, а затем и к изменению ранее занятых позиций по ходу развития событий. Экстенсивное развертывание конфликта на различных направлениях драматического действия сообщило жанровой архитектонике романа многомерное эпистемологическое пространство, пронизанное перемежающимися линиями путей героев к опытному познанию жизненных и моральных истин.

В философском исследовании А. Р. Каримова эпистемология морали определяется как гносеологическая дисциплина, целью которой является изучение потенциальных способностей познающего субъекта, а средством ее достижения – аналитика аксиологических факторов когнитивных практик: «Эпистемология добродетелей как теория познания должна концептуально прояснить превосходящие качества познающего, или интеллектуальные добродетели», выполняя «концептуальный анализ и концептуальное прояснение ценностных (регулятивных) понятий» [Каримов 2019: 205–206]. Релевантность данного определения применительно к роману А. Мердок становится очевидной при рассмотрении стези опыта протагониста на фоне общей картины жизненных дорог других персонажей с их находками и упущениями. Главное упущение Зеленого рыцаря заключалось в том, что он не отдавал себе отчета в несовместимости любого морального кодекса с имморальной системой логики антагониста, для которого единственной мерой ценностей было его самолюбивое «я». Фатальные последствия этой ошибки сказались на исходе кульминационных событий драматического конфликта, когда поборник чести вызвал противника на правосудную дуэль, но получил от него бесчестный и смертельно опасный удар еще до начала поединка. Поражение неискушенной добродетели перед лицом изощренного злодейства не надломило моральный дух подвижника, но стало причиной сомнений разума в подлинности догматически детерминированной этики и праведности авторитарного суда, учиненного на ее основе. Освобождение нравственного сознания от канонов авторитарной морали потребовало от Зеленого рыцаря рефлексивного пересмотра собственных убеждений с позиций его подлинного «я», или непредубежденной субъективности: «Я нашел свое истинное “я”, вернулся на Стезю и, что еще более важно, обнаружил, что уже продвинулся на ней немного дальше» [Murdoch 1993: 314]. На найденной «Стезе» воля к истине мотивируется нравственными устремлениями героя и раскрывается

как превосходная степень «интеллектуальной добродетели» благодаря достигнутым результатам. Обращая вопросы к себе на последнем повороте своего пути от бытия к смерти, Зеленый рыцарь достигает таких глубин самосознания, где истина познается на арене моральной борьбы гуманистического и индивидуалистического начал человеческого существа: «Теперь я в состоянии преодолеть эти себялюбивые и чисто феноменальные представления», ибо они были продиктованы «побуждением темного эгоизма, подчинением детерминизму, искушением фантазии, от которой я ныне отрекаюсь и предаю забвению» [Murdoch 1993: 306–307].

Предсмертное откровение и печальная кончина центрального героя завершают путь его познания, но за ними следует подведение итогов опыта иных вовлеченных лиц на периферийных линиях развязки конфликта. Аналогический код доступа к общему результату дает формульная схема Ю. М. Лотмана, которая фиксирует зависимость репрезентаций когнитивной деятельности героев от смыслообразующих функций сюжетно-событийной структуры нарратива: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля», так как событие, в свою очередь, представляет собой «описание некоторого факта или действия в их отношении к реальному денотату или семантической системе естественного языка» [Лотман 1998: 224]. Сравнение относительных позиций героев в финале романа А. Мердок не оставляет сомнений в том, что после трагической гибели отважного воителя его друзья и недруги действительно изменили свои понятия об истине, ценности и моральности в их значении для человеческой судьбы. Однако столь же несомненным является и переход каждого из персонажей в новое семантическое поле в рамках повествовательного плана его истории, обусловленного собственным экзистенциальным опытом и готовностью воспринимать реальность в перспективе продуманных намерений и мотивированных предпочтений.

Так, поспешный отъезд антигероя в другую страну свидетельствует одновременно и о признании вины в смерти героя, и о стремлении избежать ответственности перед законом и общественным мнением. Для одной из его давних единомышленниц и сторонниц этического нонконформизма безнаказанность скрытого злодеяния служит доказательством абсолютной справедливости субъективного выбора и отсутствия объективно значимых нравственных норм. Имморальная философия свободы привлекает на сторону ее адептов и новую союзницу, которая увидела в нарушителе общественных нравов истинного борца за идею самоценности личности и разделила с ним не только взгляды, но и участь изгоя на чужбине. Мать своевольной беглянки мысленно укоряет в случившемся Зеленого рыцаря, полагая, что именно его ревностное правдоискательство рассеяло умиротворяющие иллюзии благопристойности в ее доме и побудило дочь к открытому проявлению застенной страсти к недостойному человеку: «Ее миру

нанесли смертельную рану» [Murdoch 1993: 427].

Существенные изменения позиций подтверждаются и теми, кто выразил искреннее сожаление о погибшем герое. Спасенный им брат злоумышленника испытывает смешанные чувства боли из-за разрыва семейных связей и одновременно глубокой благодарности своему заступнику, изблудившему гневливую в них смертельную ненависть: «Он отдал свою жизнь за меня» [Murdoch 1993: 430]. По мнению другой признательной почитательницы, Зеленый рыцарь открыл не только правду, но и пути к ее познанию, освободив введенные в заблуждение умы от уз самообмана и чужой лжи: «Он словно снял все заклятия и всех нас освободил!» [Murdoch 1993: 448]. Признательные отзывы о верном слуге добра и правды переключаются с рассуждениями о том, что он обладал особым даром воспринимать действительность в свете идеалов, доступных лишь его умственному взору: «Я вижу в нем знамение, то есть некое божественное воплощение чистоты и безгрешности, ниспосланное с благой вестью в наш ужасный мир» [Murdoch 1993: 449].

Многообразие мнений сводится к единому знаменателю в резонном замечании одного из героев о неизбежном расхождении понятий о вещах реальности, если они рассматриваются в различных плоскостях, в том числе и в плане умозрений Зеленого рыцаря: «Они были реальностью в его представлении» [Murdoch 1993: 368]. Высказывание героя-резонера отвечает логике смысла всего предшествующего дискурса, подчеркивая правомерность гносеологического правила об исключении абсолютной истины из локальных эпистемологических перспектив. Поскольку дискурсивная аналитика в романе опирается на обширную эмпирическую базу, то предъявленные факты вместе с итоговым заключением о недостижимости исчерпывающих знаний составляют весомые доводы в поддержку теорий их относительной достоверности в современной науке. Немецкий ученый Г. Фоллмер полагает причину широкого распространения таких теорий в том, что релятивизм имманентен гипотетической сущности самого знания и потому был и остается естественным фактором эволюционного процесса на всех направлениях рационального освоения действительности: «Все познание гипотетично. Это релятивизирующее утверждение действительно не только по отношению к научному познанию, но также по отношению к донаучному опыту и восприятию» [Фоллмер 1998: 62]. Российский эпистемолог Л. А. Микешина особо выделяет конструктивные функции релятивизма в области гуманитарных наук, объясняя относительность определений истины в этой сфере их зависимостью не только от «идеалов классической рациональности», но также от меняющегося культурного контекста и ценностных норм: «Конструктивное понимание и принятие релятивизма как “гносеологической реальности” получает свое основание в объективном расхождении опыта, наличной информации, в изменчивости системы ценностей, верований, оценок» [Микешина 2016:

272]. В продолжение темы уместно заметить, что в эстетической системе А. Мердок гносеологическая оппозиция «релятивизма» и «абсолютизма» реализуется как теоретическая возможность альтернативного выбора, но затем встречается с онтологической парадигмой фактической аргументации на уровне принятия когнитивных решений: «В философии наличествует двустороннее движение, ведущее к построению сложных теорий и обратно – к осмыслению простых и очевидных фактов» [Murdock 2003b: 1].

Прослеживая магистральные движения писательской мысли в постмодернистском культурном пространстве, французский философ Ж. Бувресс соотносит их с возвращением литературы к высотам «познавательного жанра», равного науке и философии по статусу и свойственному ей самой по определению: «Литература не просто представляет повествовательные тексты и еще менее буквальное письмо; она ведет речь об истине, о жизни, о морали» [Bouveresse 2008: 12]. Фундаментальные разработки этих тем в произведениях А. Мердок составили существенный этап в постмодернистском повороте литературы к традиционным для нее позициям в сфере гуманитарного знания. Направляя эпистемологические аспекты своих романов на увеличение полей исследований, писательница создает адекватную модель художественного мира по классическим и новейшим парадигмам жанровой архитектоники с тем, чтобы совместить достоверное изображение объективной действительности

с интроспективным воспроизведением ее явлений в субъективном мышлении и восприятии. Сближение феноменальных представлений о реальности с реальностью как таковой происходит при посредстве персонажей, поскольку каждый из них выступает в своем романе в качестве субъекта образных репрезентаций и осмысления сущности запечатленных в них вещей. Продвигаясь по стезе опыта и знания на всем протяжении своей жизненной истории, герой сообщает эпической перспективе романа непрерывно расширяющийся эпистемологический горизонт.

Когнитивные искажения картины мира, возможные в границах видения единичного субъекта, устраняются за счет контаминации субъектных планов, действующих в одном романе. В сформированном таким образом интерсубъективном пространстве представления, понятия и идеи отдельных персонажей проходят ценз на объективную значимость по мерам взаимосогласованной системы ценностей, вокруг которой складывается человеческая жизнь. Поскольку онтологический трансцензус запрещает перевод предвзятых идей в категорию общезначимых концептов без опытной и ценностной верификации, то его внедрение в практику эстетического освоения действительности позволило А. Мердок создать доказательную базу для утверждения закономерной связи между познавательными и дидактическими функциями литературы и необходимости их развития.

Литература

- Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 509 с.
- Асланова, А. А. Коммуникативные стратегии в постмодернистском художественном дискурсе (на материале произведений Айрис Мердок): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Асланова А. А. – Майкоп, 2015.
- Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герои: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–226.
- Гадамер, Х.-Т. Истина и метод. Основы философской герменевтики: пер. с нем. / Х.-Т. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль; пер. с нем. А. В. Михайлов. – М.: Академический Проект, 2009.
- Днепров, В. Д. Идеи времени и формы времени / В. Д. Днепров. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 598 с.
- Зелезинская, Н. С. Романы Айрис Мердок. Уроки шекспировского жанра / Е. А. Зелезинская // Вопросы литературы. – 2013. – № 6. – С. 264–273.
- Иванова, В. М. Сказка и миф как часть интертекстуального пространства романа А. Мердок «Зеленый рыцарь» / В. М. Иванова // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: III Международная научно-практическая конференция. – Минск, 2018. – С. 54–61.
- Ивин, А. А. Логика / А. А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2004. – 304 с.
- Каримов, А. Р. Эпистемология добродетелей / А. Р. Каримов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 428 с.
- Кассирер, Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер; пер. с нем. В. Л. Махлина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 400 с.
- Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман М. Ю. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14–285.
- Маги, Б. Литература и философия. Разговор Айрис Мердок с Брайаном Маги / Б. Маги; перевод и вступление Д. Берёзко // Иностранная литература. – 2019. – № 5. – С. 250–274.
- Мердок, А. Книга и братство [роман] / А. Мердок; пер. с англ. В. Минушина. – СПб.: Домино; М.: Эксмо, 2012. – 656 с.
- Микешина, Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы / Л. А. Микешина. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 463 с.
- Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. А. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.

- Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / Г. Фоллмер; пер. с нем. А. В. Кезин. – М.: Рус. Двор, 1998. – 254 с.
- Bouveresse, J. *La connaissance de l'écrivain. Sur littérature, la vérité et la vie* / J. Bouveresse. – Marseille: Aguir, 2008. – 237 p.
- Bradbury, M. *The Modern British Novel: 1878–2001* / M. Bradbury. – Harmondsworth: Penguin Books, 2004. – 612 p.
- Conradi, P. J. *Iris Murdoch: The Saint and the Artist* / P. J. Conradi. – New York: St. Martin's Press, 1986. – 304 p.
- Fraser, G. S. *The Modern Writer and His World. Continuity and Innovation in the Twentieth-Century English Literature* / G. S. Fraser. – New York, Washington: Penguin Books, 1964. – 427 p.
- Gadamer, H. G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* / H. G. Gadamer. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1960. – 486 s.
- Halperin, J. *The Theory of the Novel: A Critical Introduction* / J. Halperin // *The Theory of the Novel: New Essays* / ed. by J. Halperin. – New York: Oxford Univ. Press, 1974. – P. 9–24.
- Husserl, E. *Ideen zu reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie: Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie* / E. Husserl. – Haag: Martinus Nijhoff, 1950. – 483 s.
- Jaspers, K. *Philosophie: in 3 bd. Bd. 2: Existenzerhellung* / K. Jaspers. – Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer-Verl, 1956. – 440 s.
- Meyers, J. *Remembering Iris. J. Meyers Remembering Iris Murdoch: Letters and Interviews* / J. Meyers. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 124 p.
- Murdoch, I. *Against Dryness* / I. Murdoch // *Encounter*. – Jan., 1961. – P. 16–20.
- Murdoch, I. *On "God" and "Good"* / I. Murdoch // *The Sovereignty of Good*. – London; New York: Routledge, 2003a. – P. 45–75.
- Murdoch, I. *The Book and the Brotherhood [A novel]* / I. Murdoch. – Harmondsworth: Penguin Books, 1989a. – 607 p.
- Murdoch, I. *The Green Knight: A Novel* / I. Murdoch. – New York: Viking – Penguin Group, 1993. – 472 p.
- Murdoch, I. *The Idea of Perfection* / I. Murdoch // *The Sovereignty of Good*. – London; New York: Routledge, 2003b. – P. 1–44.
- Murdoch, I. *The Message to the Planet [A Novel]* / I. Murdoch. – London: Random House, 1989b. – 563 p.
- Murdoch, I. *The Sovereignty of Good over Other Concepts* / I. Murdoch // *The Sovereignty of Good*. – London; New York: Routledge, 2003c. – P. 76–104.
- Sartre, J.-P. *L'imaginaire: psychologie phénoménologique de l'imagination* / J.-P. Sartre. – Paris: Gallimard, 1940. – 248 p.
- Spear, H. D. *Iris Murdoch* / H. D. Spear. – Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan Press, 1995. – 160 p.
- Stonebridge, L. *Introduction: British Fiction after Modernism* / L. Stonebridge, M. Mackay // *British Fiction after Modernism. The Novel at Mid-Century* / ed. by M. Mackay, L. Stonebridge. – Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 1–16.
- Vollmer, G. *Evolutionäre Erkenntnistheorie: angerborene Erkenntnistheorie in Kontext von Biologie, Psychologie, Linguistik, Philosophie und Wissenschaftstheorie* / G. Vollmer. – Stuttgart: Hirzel, 1983. – 222 s.

References

- Aslanova, A. A. (2015). *Kommunikativnye strategii v postmodernistskom khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenii Airis Merdok)* [The Communicative Strategies in Postmodern Literary Discourse (Based on the Works of Iris Murdoch)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Maikop.
- Avtonomova, N. S. (2014). *Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. 2nd edition. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 509 p.
- Bakhtin, M. M. (2000). *Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti* [The Author and the Hero in Aesthetic Activity]. In Bakhtin, M. M. *Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. Saint Petersburg, Azbuka, pp. 9–26.
- Bouveresse, J. (2008). *La connaissance de l'écrivain. Sur littérature, la vérité et la vie*. Marseille, Aguir. 237 p.
- Bradbury, M. (2004). *The Modern British Novel: 1878–2001*. Harmondsworth, Penguin Books. 612 p.
- Conradi, P. J. (1986). *Iris Murdoch: The Saint and the Artist*. New York, St. Martin's Press. 304 p.
- Dneprov, V. D. (1980). *Idei vremeni i formy vremeni* [Ideas and Forms of the Time]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 598 p.
- Fraser, G. S. (1964). *The Modern Writer and His World. Continuity and Innovation in the Twentieth-Century English Literature*. New York, Washington, Penguin Books. 427 p.
- Gadamer, H. G. (1960). *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 486 s.
- Gadamer, H.-T. (1988). *Istina i metod. Osnovy filisofskoi germenevtiki* [Truth and Method. Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress. 704 p.
- Halperin, J. (1974). *The Theory of the Novel: A Critical Introduction*. In Halperin, J. (Ed.). *The Theory of the Novel: New Essays*. New York, Oxford Univ. Press, pp. 9–24.

- Husserl, E. (1950). *Ideen zu reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie: Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Haag, Martinus Nijhoff. 483 s.
- Husserl, E. (2009). *Idey k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One]. Moscow, Akademicheskii Proekt. 489 p.
- Ivanova, V. M. (2018). Skazka i mif kak chast' intertekstual'nogo prostranstva romana A. Merdok «Zelenyi rytsar'» [A Fairy-tale and Mythos as Part of the Intertextual Space in the Novel "The Green Knight" by I. Murdoch]. In *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Minsk, pp. 54–61.
- Ivin, I. I. (2004). *Logika* [Logics]. Moscow, Vysshaya shkola. 304 p.
- Jaspers, K. (1956). *Philosophie: in 3 Bd. 2: Existenzerhellung*. Berlin, Göttingen, Heidelberg, Springer - Verl. 440 s.
- Karimov, A. R. (2019). *Epistemologiya dobrodeteli* [Epistemology of Virtues]. Saint Petersburg, Aletya. 428 p.
- Kassirer, E. (2004). *Filosofiya Prosveshcheniya* [Philosophy of Enlightenment]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 400 p.
- Lotman, Yu. M. (1998). Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of the Literary Text]. In Lotman, Yu. M. *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskustvo, pp. 14–285.
- Magee, B. (2019). Literatura i filosofiya. Razgovor Airis Merdok s Braianom Magi [Literature and Philosophy. Talk of Iris Murdoch with Bryan Magee]. In *Inostrannaya literatura*. No. 5, pp. 250–274.
- Meyers, J. (2013). *Remembering Iris. J. Meyers. Remembering Iris Murdoch: Letters and Interviews*. New York, Palgrave Macmillan. 124 p.
- Mikeshina, L. A. (2016). *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdistsiplinarnye sintezy* [The Contemporary Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary Synthesis]. Moscow, Poloticheskaya entsiklopediya. 463 p.
- Murdoch, I. (1961). Against Dryness. In *Encounter*. Jan., pp. 16–20.
- Murdoch, I. (1989a). *The Book and the Brotherhood* [A novel]. Harmondsworth, Penguin Books. 607 p.
- Murdoch, I. (1989b). *The Message to the Planet* [A Novel]. London, Random House. 563 p.
- Murdoch, I. (1993). *The Green Knight* [A Novel]. New York, Viking – Penguin Group. 472 p.
- Murdoch, I. (2003a). On "God" and "Good". In *The Sovereignty of Good*. London, New York, Routledge, pp. 45–75.
- Murdoch, I. (2003b). The Idea of Perfection. In *The Sovereignty of Good*. London, New York, Routledge, pp. 1–44.
- Murdoch, I. (2003c). The Sovereignty of Good over Other Concepts. In *The Sovereignty of Good*. London, New York, Routledge, pp. 76–104.
- Murdoch, I. (2012). *Kniga i Bratstvo* [roman] [The Book and the Brotherhood: A Novel]. Saint Petersburg, Domino, Moscow, Eksmo. 656 p.
- Sartre J.-P. (2001). *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya vospriyatiya* [The Imagery. The Phenomenological Psychology of Perception]. Saint Petersburg, Nauka. 319 p.
- Sartre, J.-P. (1940). *L'imaginaire: psychologie phénoménologique de l'imagination*. Paris, Gallimard. 248 p.
- Spear, H. D. (1995). *Iris Murdoch*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, London, Macmillan Press. 160 p.
- Stonebridge, L., Mackay M. (2007). Introduction: British Fiction after Modernism. In Stonebridge, L., Mackay, M. (Eds.). *British Fiction after Modernism. The Novel at Mid-Century*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan, pp. 1–16.
- Vollmer G. (1983). *Evolutionäre Erkenntnistheorie: angerborene Erkenntnistheorie in Kontext von Biologie, Psychologie, Linguistik, Philosophie und Wissenschaftstheorie*. Stuttgart, Hirzel. 222 s.
- Vollmer G. (1998). *Evolutsionnaya teoriya poznaniya: vrozhdennyye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki* [The Evolutionary Theory of Knowledge in the Context of Biology, Psychology, Linguistics, Philosophy and the Theory of Science]. Moscow, Russkii dvor. 254 p.
- Zelezinskaya, N. S. (2013). Romany Airis Merdok. Uroki shekspirovskogo zhanra [The Novels by Iris Murdoch. The Lessons of Shakespeare' Genre]. In *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 264–273.

Данные об авторе

Исламова Алла Каримовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права Факультета иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

E-mail: alla.islamova.52@mail.ru.

Author's information

Islamova Alla Karimovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Modern Languages in the Areas of Law and Economics of Faculty of Modern Languages, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).